

Послесловие

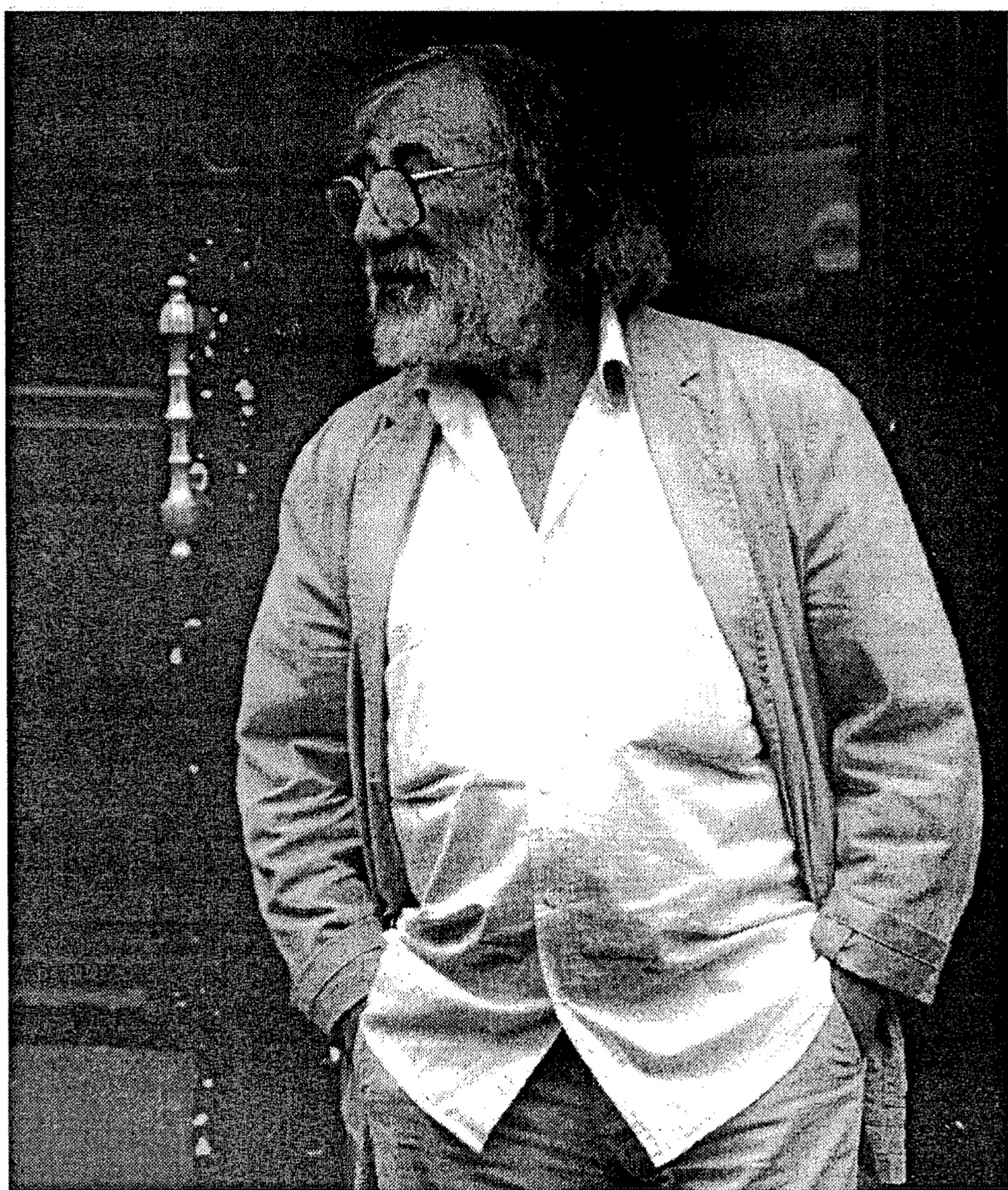
“...Космос внутри нас”

Смерть Рудольфа ХАЧАТРЯНА, без сомнения, огромная потеря для армянского искусства. Она больно отозвалась в сердцах всех его многочисленных поклонников, друзей и коллег, особенно в родном Ереване. Несмотря на то что он много лет прожил вне Армении, он никогда не уходил слишком далеко.

В Рудольфе поражаало все. И безмерный талант, и художническая строптивость, и радикальность мыслей и чувств. Но особенно то, что он всегда рвался в новые, неизведанные просторы творчества. Рудольф никогда не эксплуатировал свои же художественные открытия и достижения. Страсть к поиску новых средств и нового языка выражения обратила его искусство в кристалл со многими тщательно отшлифованными гранями. Именно поэтому его искусство одинаково дорого поклонникам и классики, и авангарда. Он во всем добивался и достиг совершенства, будь то тончайшей красоты карандашный рисунок или “многомерный объект”. В любое произведение он вкладывал свою страсть и душу, всего себя... Оттого даже в самом, казалось, “спокойном” рисунке за каждым штрихом кипела духовная жизнь.

А себя не уберег — истовость в искусстве дорогого стоит. Он использовал любую возможность вновь и вновь приехать в Ереван, где впервые познал себя и стал художником. Он мечтал о доме, где бы мог работать и показывать свои работы. Не случилось. Рудольф сгорел в собственном пламени. Его можно сравнить с кометой. Яркая блистая, она исчезает, но еще долго, очень долго сверкает след, оставленный ею. Искусство Рудольфа Хачатряна, как и живая память о нем, тот самый искрящийся след, который останется навсегда.

Предлагаем читателям фрагменты из интервью Рудольфа Хачатряна. Вопросы опущены — мысли и слова художника самодостаточны и самоценны.

* ...Это случилось в Ереване, когда мне было пятнадцать лет. Я рисовал в скверике напротив Оперного театра в центре города, недалеко от нашего дома, где обычно собирались старики играть в нарды. Пожилой человек (на самом деле ему было пятьдесят лет, но так мне показалось по молодости), наблюдавший за мной какое-то время, спросил: “Где ты учишься рисовать? — “Я нигде не учусь. Меня уже выгнали!” — “Хорошо, что выгнали, — сказал он. — Видишь тот дом? Вечером принеси все свои рисунки”. Я пришел, он взглянул на них и воскликнул: “Дух Леонардо жив!” Я удивился, потому что не знал, что такой Леонардо. Я думал, что надо учиться рисовать, как Рафаэль, и считал его самым великим художником. Человек поднялся на антресоли, достал старый тяжелый том, открыл страницу с рисунками драпировок и протянул мне. Я был потрясен сходством моих работ с ними. Он сказал: “Прочитай!” Книга называлась “Леонардо да Винчи”. Это был Ерванд Кочар, художник-новатор, блестящий знаток французской культуры, создатель художественного принципа “живопись в пространстве”. И самая трагическая личность на моем жизненном пути. Именно Кочар приучил меня относиться к себе как к большому художнику. Мне не исполнилось и двадцати, когда однажды он сказал: “Можешь спокойно умереть, все равно останешься в истории армянского искусства”.

Находясь рядом с Кочаром, я оказался в среде самых выдающихся людей Армении. Это была настоящая Академия и творчества, и жизни. Кочар познакомил меня с гением театра — Папазяном. Однажды Папазян даже сыграл для меня одну роль Отелло у себя в гримерной. Я смотрел в зеркало на то, как он играет, и делал быстрые наброски его портрета. Но это отдельная история.

Я очень хорошо чувствовал и понимал, что эти люди, что каждый из них собой представляет, потому что ощущал их дух, разделял их взгляды и умел это ценить. Видимо, и мои суждения были правильными, и они меня любили. Сравню эти взаимоотношения с чтением Библии. Читая ее, ты становишься мудрее.

Задолго до открытия многомерных объектов, в юности, я пережил период под названием “Открытие формы”, под прямым влиянием Кочара. Именно Кочар дал мне возможность познакомиться с журналами, которые он привез из Парижа. Я увидел запрещенное тогда в нашей стране искусство — современное, авангардное. Увиденное потрясло меня и убедило в правильности поиска открытых форм.

Мое искусство пронизано пространственным мышлением, но уже иным, чем у Кочара. Красота доступна каждо-

му человеку на уровне его сознания. Один счастлив от красоты, которая ему неожиданно открылась по-новому, особенно. Другому вообще неведомо, о чем идет речь. Например, человек возмущается: “для чего существует гитара? Надо, чтобы не было ее! Она же падалью питается!” Развою руками. Если внимательно присмотреться, то увидишь, что и она по-своему красива, как и все, что существует в жизни, как и все, что создал Бог. Но как это объяснить людям? Трудно.

* Много раз слышал: “Зачем эти руки... ноги... Для чего?” Как может другой пройти в один миг путь осознания красоты, которым я шел долгие годы? Конечно, все это не так страшно. Но если перейти к обобщению, то я бы сказал, что трагедия художника в этом. “Послушайте, — думаю я, — это же очень хорошо, что вам нравятся мои рисунки на левкасе. Я согласен, они действительно этого заслуживают. Но я же не умер, я жив, я существую. И разве плохо, что, кроме всего того, что вам нравится, в моем творчестве появилось что-то новое, совсем другое? Может быть, мы с вами все-таки пойдем друг друга? Может быть, вы хотя бы проникнетесь доверием к художнику, которого любили? Ведь я оплатил эту “неудачу”, как вы это определяете, всей своей творческой жизнью. Почему вы уверены, что так уж правы?”

Известно, что мы с легкостью судим о классическом искусстве, о хорошо известных произведениях, но все меняется, когда перед нами оказываются произведения, созданные в другом мировоззрении, новые в полном смысле этого слова. Нам хочется оторгнуть то, что не кажется нам привычным...

* Понимаем ли мы, что само понятие “картина” меняется? Двухмерный мир исчерпывает себя. Когда Эйнштейн сказал: “Прости меня, Ньютон, ты был прав...” — это стало открытием другой эры, рождением нового взгляда на время, движение и пространство. Плоскость бумаги, холста, ограниченная рамой и висющая на стене, устаревает. Сегодня “картина” — музейное понятие. Поэтому появляется новое — “живопись в пространстве”. Многомерный объект вызывает к новому уровню мышления. Он видоизменяется. И суть перехода к многомерному объекту именно в этом.

* Мы иногда говорим о космосе так, как будто он существует отдельно от нас. На самом деле мы — не вне космоса, а в нем. Это с одной стороны. А с другой — космос внутри нас. Значит, человек должен осознавать себя по большому счету носителем космоса, носителем мира. Все, что есть в мире, должно быть и в нас. Бог дал человеку духовные крылья, чтобы он мог летать космически, внутри себя. Это же

прекрасно! Когда в своем воображении ты плывешь душой в любом направлении и на любые расстояния, — тогда и чувствуешь, как велик мир, как безграничны небесные пространства в человеке. И это невероятно.

* Настоящий творец стремится к истине, к связи времен, к ассоциативному мышлению. Насколько он одухотворен, сколько культуры в себя вмещает, — этим он и значителен. Художника питают многовековые традиции изобразительного искусства. Нужно много знать. Нужно иметь корни. Художник, как и каждый человек, — это Адам, воплощающий в себе человечество. Нужно чувствовать себя Ван Гогом и Пикассо, русским, темнокожим, армянином и китайцем! И действительно разницы нет. Художник соединяет в себе весь мир.

* Есть такое слово “вдохновение”. Я его не люблю, мне оно кажется манерным. Но единство мастерской и “вдохновения” — обязательно. Конечно, иногда, чтобы не сойти с ума, я рвусь отсюда. Мне нужно отдохнуть. Энергетическая насыщенность творчества становится такой сильной. Вещи, многомерные объекты, картины так давят на меня, что я не выдерживаю, ухожу, брожу по улицам, сижу в кафе с разными людьми, об искусстве не вспоминаю, не говорю. Узнай они о том, что я художник, наверное, очень бы удивились. Но чаще мастерская дает такой покой и счастье, какие нигде не найдешь.

* Есть художники, которые всю жизнь делают, по существу, одно и то же. Если не считать меняющихся сюжетов их творений. Сегодня нарисовал кушину, завтра натюрморт или пейзаж за окном. Для них нет разницы, в чем себя выражать. Но художник не должен повторяться. В Лондоне я испытал глубокий творческий кризис. Я больше не мог делать то, что делал вчера. Казалось, впереди ничего нет, все кончено. И я не мог даже и предположить, что всего лишь завершается очередной период моего творчества, и это возможная предпосылка к новым открытиям. Но когда душевное напряжение достигло предела и я был в отчаянии, вдруг будто само собой начало открываться новое. Таким образом Лондонский период выразил себя рождением “Метаморфоз”. Спустила какое-то время, уже в Москве, я пришел к многомерным объектам.

* Многомерным объектам предшествовало не меньше тринадцати законченных периодов, которые для меня были открытиями. Еще в начале шестидесятых я пережил несколько творческих этапов, в результате которых от увлечения кубизмом и сюрреализмом пришел к идее открытых форм. Можно сказать, что каждые десять лет во мне рождается новый художник и начинается новый период от-

крытий. Любому из них можно было бы посвятить жизнь. И быть при этом ни на кого не похожим. Я художник неплохой, хотя, возможно, это звучит и нескромно. Но я не остановился ни на втором, ни на третьем, ни на четвертом открытиях. Никогда не эксплуатировал то, что нашел. Всегда хочу идти дальше.

* Изобразительное искусство есть изобразительное искусство. Оно — не литература и обращено к нашему сознанию и подсознанию без помощи слов. Поэтому его послания должны начинаться и заканчиваться по его собственным, самодостаточным для него законам. Чтобы, и это очень важно, мысль художника — выражала себя движением, формой, ритмом, светом, тенью, цветом, паузой, красотой, размером, пластикой, гармонией... А иногда, если нужно, и дисгармонией... Но только не словами. В изобразительном искусстве бытует литература, и это большая беда.

* Художники во время творческого процесса видят очень глубоко. Люди смотрят, а художники видят и изображают для того, чтобы и другие смотрели, смотрели, смотрели и вдруг тоже смогли бы увидеть.

Когда начинаю работать, я, пытаясь проникнуть в суть задуманного, концентрируюсь до такой степени, что вижу микроразрезы. Творчество художника — это энергетическая страсть, энергетическая концентрация.

Вот это и есть творчество. Руки, глаза, голова, сердце, чувства, любовь — все должно быть равно друг другу. Обычные люди так не видят. Но и мы, художники, в повседневной жизни, безусловно, видим несколько иначе, чем когда находимся в работе.

* Недавно один искусствовед написал о моих последних работах — “Красивое уродство”. Да... Красивое уродство. А знаешь, ведь многие наши великие предшественники приходили к новому и странному для их времени и для себя пониманию красоты.

* Критерии, каноны и понятия прекрасного менялись. Что-то бередило беспокойные души художников и заставляло другими глазами видеть и другими средствами выражать новую, преображенную красоту. Не менялась сокровенная красота творчества.

* Да, все переменчиво в природе — движутся воды по всей земле, над полями, горами, пустынями проносятся ветры, осыпаются и вновь вздымаются пески, меняются береговые линии морей и океанов, реки, изменяя свое направление, пробиваются новые русла. Через миллионы лет — конечно, я называю условное время — земной шар, если он останется, будет представлять совсем другую карту, абсолютно другую. И совершенно другое искусство.

Подготовил
Карен МИКАЭЛЯН